
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Е. М. Болдырева

Е. В. Асафьева

УДК 821.161.1

<https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

<https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

«Память скрывает столько зла...»: память и забвение в художественном мире русских авторов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов»

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «Память скрывает столько зла...»: память и забвение в художественном мире русских авторов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 8-18. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-9-19

В статье анализируется специфика поэтической репрезентации категории памяти в творчестве русских поэтов ГУЛАГа и китайской «туманной поэзии». Анализ производится в контексте типологически сходных тенденций в российском и китайском литературном процессе – отечественная литература ГУЛАГа и китайская литература «ран и шрамов», творчество поэтов рассматривается как мощное противостояние трезвого разума абсурдным проявлениям эпохи. Множество мотивных переключек свидетельствует о сходстве духовно-психологических комплексов «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, для которых творчество и память являются способом выживания и преодоления зла, несправедливости и смерти. В статье проанализированы различные аспекты категории памяти в художественном мире поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов»: оппозиция память – забвение, память как связь прошлого и будущего, память как месть, память как поэзия, память камня и память природы. Память и забвение в творчестве поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» рассматриваются как амбивалентные понятия: с одной стороны, это боль и тяжесть воспоминаний, память как травмирующий фактор, а забвение как анестезия, позволяющая вычеркнуть из измученного сознания страшные страницы прошлого, но с другой – атрофия памяти безнравственна, ибо позволяет забыть «всемирное зло» и тем самым дать ему шанс на повторение, а память важна не только сама по себе как месть несправедливости и режиму, старающемуся уничтожить все живое и самобытное, но и для освобождения от тяжести прошлого через письмо, через самовыгорание, саморазрушение. В статье делается вывод, что одна из важнейших задач и литературы ГУЛАГа, и китайской «туманной поэзии» – сохранение исторической и культурной памяти о трагических событиях истории.

Ключевые слова: поэзия ГУЛАГа, туманная поэзия, литература ран и шрамов, категория памяти, лирический герой, художественный образ, мотив, литература XX в., аллегория, метафора.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Е. М. Boldyreva, Е. V. Asafieva

«Memory hides so much evil...»: memory and oblivion in the artistic world of the Russian Gulag authors and Chinese MistyPoets

The article analyzes the specifics of the poetic representation of the category of memory in the works of the Russian poets of the Gulag and the Chinese Misty Poetry. The analysis is carried out in the context of typologically similar trends in the Russian and Chinese literature processes – home literature and the scar literature, or the literature of the wounded, – the works of the poets are reconsidered as a powerful confrontation of the sober mind to the absurd

manifestations of the era. A lot of likeness in the motives proves the unity of spiritual and psychological complexes of the Misty Poets and Gulag poets, for whom writing and memory are a means of survival and overcoming evil, injustice and death. The article analyzes various aspects of the category of memory in the artistic world of the Gulag Poets and Misty Poets: the opposition of memory and oblivion, memory as a connection between the past and the future, memory as revenge, memory as poetry, memory of stone and memory of nature. Memory and oblivion in the works of the Gulag and Misty Poets are considered as ambivalent concepts: on the one hand, painful and grievous memories, memory as a traumatic factor, is opposed to oblivion as anesthesia, allowing to black out the agonizing pages of the past from the tormented consciousness; on the other hand, though, memory deadening is offending against morals, because it makes it possible to forget the *universal evil* and thereby gives it a chance to recur; additionally, memory is both intrinsically important as vengeance on injustice and the regime, which is trying to destroy everything alive and distinctive, and as a form of liberation from the dead hand of the past by means of writing, burnout, and self-destruction. The article concludes that one of the most important tasks of the Gulag literature and the Chinese Misty Poetry is the preservation of the historical and cultural memory of the tragic events of history.

Keywords: Gulag Poetry, Misty Poetry, Scar Literature, Literature of the Wounded, memory category, narrator, artistic image, motive, literature of the 20th century, allegory, metaphor.

«Память скрыла столько зла без числа и меры. Всю-то жизнь лгала, лгала. Нет ей больше веры» [Шаламов, 2019б], «Полею судьбы иду безмолвно. Былое не возвратить. Оно накачивает, точно волны, и рвется, как тонкая нить [Азиатская медь..., 2007, с. 106] – эти строки из стихотворений русского поэта Варлама Шаламова и китайского поэта Лян Сяо-биня, представителей двух типологически сходных тенденций в русской и китайской литературных процессах – российская поэзия ГУЛАГа и китайская «туманная поэзия». В нечеловеческих условиях жизни и труда на Дальнем Севере зародилась поэзия ГУЛАГа. В так называемой «подпольной литературе» периода «культурной революции» в Китае лежат истоки литературного течения «туманная поэзия». Творчество этих поэтов – пример сопротивления физическому и моральному распаду, к которому приводило длительное заключение в лагерях Дальнего Севера и пребывание на «трудовом перевоспитании», мощное противостояние трезвого разума абсурдным проявлениям эпохи, когда «выстраданное собственное кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта» [Шаламов, 2019в]. Творчество российских поэтов ГУЛАГа, таких как А. Прядилов, А. Жигулин, А. Баркова, Б. Ручьев, Д. Андреев, В. Боков и многих других не раз становилось объектом исследования отечественных [Виленский, 2005; Горбачевский, 2015; Михайлик, 2009; Романов, 1989; Таганов, 1998] и зарубежных литературоведов [Пьералли, 2008; Gullotta, 2009; Gullotta, 2016; Jurgenson, 2016; Jurgenson, 2013; Pieralli, 2008]. Феномен китайской «туманной поэзии» и творчество его представителей (Ян Лянь, Ван Цзя-Синь, Гун Лю, Линь Мань, Ни Хань, Шу Тин, Ши Джи и др.) в последнее также вызывает активный

интерес российских [Демидо, 1990; Лебедева, 1992; Надеев, 1969; Рябченко, 2009; Тугулова, 2014; Тугулова, 2014; Тугулова, 2015; Черкасский, 1988] и китайских ученых [洪子诚, 程光炜, 2009; 李丽中, 1988; 朦腿诗论争集, 1989; 姜娜, 朱小平, 1994; 倪伟, 2005; 舒婷的诗, 2005; 中国现代诗选 60 首, 2010; 杨健, 1993]. Однако в этих работах практически не изученным остается сравнительно-типологический аспект исследований, тогда как подобные исторические параллели дают основания для сопоставления российской литературы ГУЛАГа и «туманной поэзии» Китая. Множество мотивных переключек (сходные мотивы мести, тени, отсутствия виноватых, погубленной молодости, неотделимости судьбы человека от судьбы родины, страдания во благо, веры в будущее, сопротивления природы, телесной деструкции, голосов из-под камня, терпения ради жизни и сохранения истины) свидетельствует о сходстве духовно-психологических комплексов «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, для которых творчество является способом выживания и преодоления зла, несправедливости и смерти. Именно поэтому интегральным мотивом в творчестве русских и китайских поэтов становится память и его антипод – забвение, а также сложное взаимодействие этих явлений в измученном мучительной рефлексией сознании человека, ставшего жертвой безжалостного колеса истории.

Невыносимая тяжесть воспоминаний и счастье забвения – одна из ключевых тем в творчестве таких поэтов, как Лян Сяо-бинь, Линь Ман, Ю. Домбровский и В. Боков, которые убеждены, что в воспоминаниях нет истины и благородства, что прошлого не вернуть, а помнить о нем – зна-

чит напрасно себя разрушать. В стихотворении «Звук капающей воды» Азиатская медь ... , 2007, с. 85] Линь Ман утверждает идею, что как бы тяжело ни приходилось, время излечит все раны, что река забвения принесет облегчение и покой, а воспоминания так же бессмысленны, как и человеческая жизнь:

Как жестко бы ни скручивалась жизнь
Но сквозь неряшливость твоей судьбы
Всё так же мерно капает вода
И всех равняет под одну гребенку
Бессмысленность исходного пути [Азиатская медь ... , 2007, с. 85]

Тем не менее, мерный звук, похожий на тиканье часов, вытаскивает из глубин сознания героя его тяжелое прошлое, а луч света делает воспоминания еще ярче. Вода природная сама по себе является забвением, однако водопроводная, искусственная, она служит памяти, смешивается с жестью и пульсирует, гипнотизирует человека. Он был бы рад погрузиться в сон, но монотонные звуки препятствуют этому, и он «с болью» воскрешает все былое, о чем не хочется помнить и что приносит муки. А кольцевая композиция стихотворения возводит эти страдания в абсолют.

Страдает и герой стихотворения «Китай, я потерял свой ключ» [Азиатская медь ... , 2007, с. 106] Ляна Сяо-биня. «Сердце <его> от боли заскорузло» [Азиатская медь ... , 2007, с. 106], но он пытается жить надеждой на светлое будущее. В отличие от героя Линь Мана, он утратил светлые воспоминания в потоке «ключей» жизни. Это определение свидетельствует о том, что настоящее враждебно по отношению к лирическому субъекту. Он пытается воскресить его книгами, но солнце спряталось за тучи, а ключ от счастливого детства утерян, и герой вынужден слоняться по пустыне отчаяния и думать о возможном счастье. Но надежды эти призрачны, поскольку будущее невозможно без прошлого, а оно забыто. Воспоминания призрачны, и герой сам не знает, были ли они или только казались: «Был ли тот ключ на самом деле?» [Азиатская медь ... , 2007, с. 106]. Ключ в данном случае является аллегорией самопознания и национальной самоидентификации, поскольку его Китай изменился, перестал быть источником счастья, как в детстве, где был отец и ясное небо. Призрачные воспоминания о «золотом веке» детства и одновременно невозможность его вернуть и становятся причиной боли в душе героя.

Осознанное избирательное забвение выбирает для себя лирический герой стихотворения В. Бокова «Память» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Как и многие представители передовой интеллигенции, в 30-ых гг. он подвергся репрессиям и отбывал заключение на Дальнем Севере. Об этом он и старается забыть, подменив жуткие воспоминания счастливыми и таким образом вытеснив из сознания страшное прошлое. Все четыре катрена строятся на антитезе «память – забвение», где герой сознательно обращается к светлой стороне своей жизни, всемирному культурному наследию, природе, животным – свободе, и изгоняет из памяти все плохое: выстрелы конвоиров, наручники, смуглокожего тирана, темницы, густо населенные людьми и женские слезы – заключение. А использование анафоры «помню» как интегрального технического элемента возводит стихотворение в ранг заклинания, молитвы о том, чтобы злая память навсегда исчезла из его измученного сознания. Но в действительности это вряд ли возможно, поскольку та старательность, с которой герой произносит заклинание, наталкивает на мысль, что прошлое не отпускает его и возвращает в тот страшный мир, из которого ему по счастью удалось вернуться.

В амбивалентном состоянии пребывает герой Ю. Домбровского в стихотворении «Солдат – заключенной» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Он тоже находился в лагере, но в качестве охранника. Это важно, поскольку утверждается идея, что зона одинаково губительна как для заключенных, так и для тех, кто их сторожит на вышках и приисках Дальнего Севера. Герой вспоминает о девушке, с которой, возможно, был некогда близок. Он вспоминает о том, как ее разрушил лагерь, как некогда прекрасные ее руки покрылись мозолями от тяжелой работы, как растрепались и потемнели волосы. Он вспоминает смерть невинных людей, которых убили якобы при побеге, но на самом деле от скуки или для устрашения иных. Думая об этом, герой проклинает и себя, и свой долг и память:

Не забыть мне проклятую зону,
Эту мертвую память твою

<...>

Это я своим долгом проклятым
Дотянулся к страданиям твоим

[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Поскольку память о прошлом угнетает героя, он бы хотел забыть о ней, и, видимо, делал такие попытки, но они оказались безуспешными. Лири-

ческий герой Ю Домбровского пребывает как бы на границе между невозможностью забвения и необходимостью воспоминания. И затем герой приходит к пониманию, что эта самая память необходима для того, чтобы отомстить миру за поруганное детство его любимой, несмотря на то, что воронка времени затянет этот период советской истории:

Только я, став слепым и горбатым,
Отпущу всем уродством своим -
Тех, кто молча стоит с автоматом
Над поруганным детством твоим
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Иное отношение к памяти мы встречаем в творчестве таких поэтов ГУЛАГа, как А. Обросов, С. Граховский, О. Берггольц, которые убеждены, что память – единственное оружие в борьбе с несправедливостью. Временами лирические герои вступают в конфликты с собой. Так происходит, например, в стихотворении О. Берггольц «На воле» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. В нем память пробивается смутным потоком, и героиня сомневается, был ли лагерь, решетки. Рутинно постепенно вымарывает острожные образы, но полностью избавиться от прошлого не получается:

Я забыла б – сердце не забыло
Это унижение и страх.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Разум героини находится в конфронтации с чувством, с ее душой, которая понимает, что если воспоминания исчезнут, никто не узнает о тех страшных преступлениях, которые претерпевала героиня. И против воли своей героиня подчиняется сердцу:

«Помни», – говорит оно мне... Помню!
Рада бы забыть – не суждено...
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

А уже в следующем стихотворении «Нет, не из книжек наших скудных» [Поэзия узников ГУЛага. Антология] этого же автора сердце окончательно берет верх. Эпиграфом к данному тексту послужили слова Лютера «...и я не могу иначе...» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Память о прошлом обрушилась на героиню, она думает о том, как ее избивали на допросах, как темны были ночи на Колыме и как она подвергалась унижениям. Несмотря на это соратники героини продолжали жить во что бы то ни стало, жить, потому что больше им ничего не оставалось и гордиться тем,

что никого не предали и не сбежали, не обрекли себя на всеобщее недоверие:

И не было людей бесстрашной
И горделивее, чем мы.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Именно память становится спасением, доказательством того, что эти многочисленные страдальцы были когда-то и сгнули на благо родины:

Но если жгучего преданья
Дойдет до вас холодный дым, –
Ну что ж, почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим... [Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Память как спасение от забвения представлена в стихотворении А. Обросова «Беглец» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где в центре лирического повествования – отчаявшийся человек, решивший бросить вызов системе. Лирический герой посылает ему добрые слова и пожелания спастись от судьбы быть убитым при попытке к бегству или быть пойманным и возвращенным в снежный ад. Лучше ему погибнуть на свободе, чтобы природа спрянула тело, не дала растерзать врагам. Стихотворение представляет собой своего рода диалог тех, кто спасся при побеге, и тех, кто навсегда остался на снежных просторах Колымы и кто вмешивается в настоящее героя:

Я мог, наверно, счастлив быть
Тем, что живу и день мой светел.
Но сгнувших нельзя забыть,
И в сердце вновь стучит их пепел.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Эта мысль практически повторяется у В. Шаламова в поэме «Авакум в Пустозерске, где герой произносит в заключительном катрене :

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца
[Шаламов, 2019б]

А. Жигулин прямо призывает «Не надо бояться памяти» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], поскольку страх этот может привести к фатальным последствиям. В одноименном стихотворении. Его речь обращена не к сгнувшим безвестно, а к тем, кто сопротивлялся. О страданиях напишут иные, погибших найдут. Задача его героя – «разглядеть <...> человека – / Современника/И борца» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Он в прошлом видит не ужасы, а школу выживания и в некоторой степени благодарен ударам судьбы за то, что помогли обрести друзей и стать мужественным и выносливым. В заключительной строфе он восклицает:

Как же мне не писать об этом?!
Как же свой рассказ не начать?!
Нет! Не быть мне тогда поэтом,
Если я
Смогу
Промолчать!
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

К памяти призывает и герой Д. Андреева в стихотворении «Гипер-пэон» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где средством сохранения культурного и исторического прошлого он считает поэзию. Текст – попытка создания нового стихотворного размера – гипер-пэона. На эту идею его натолкнуло тяжелое прошлое, которое невозможно выразить в привычных формах стиха: «Не подскажут мне закатившиеся эпохи /Злу всемирному соответствующий размер» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Пэон – редкий размер, используемый русскими поэтами, его стопа состоит из четырех слогов. Гипер-пэон предполагался как пятисложник с третьим сильным слогом, и общая метрическая схема текста выглядит так: UU–UUUU–UUUU–U с редкими отступлениями. Стихи подобного рода как бы вызывают у читателя артикуляционную и акустическую дисгармонию. Так автор мыслит заключить зло в наиболее подходящую для него форму, поскольку привычные размеры не годились для подобных явлений духовно-нравственного распада: «О триумфах, иллюминациях, гекатомбах, / Об овациях всенародному палачу, / О погибших / и погибающих /в катакомбах / Нержавеющий и незыблемый стих ищущу» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Огромный, могущественный, нержавеющий, этот стих должен был сохранить прошлое, подобно граниту, для потомков. Долгие междуиктовые интервалы воссоздавали страдание и тяжесть, судороги и пытки, испытываемые предшественниками адресатов послания. Автор выстраивает взаимосвязь между понятиями «зло» – «ритм» – «мрак» – «встань» – «зримый», поскольку именно эти слова нарушают общий ритмический рисунок текста, заменяя преобладающую в стихотворении двусложную анакрузу нулевой. Автор акцентирует внимание именно на этих понятиях, отражающих интегральную идею стихотворения, которая заключается в преодолении зла через сложную

форму стиха, его ритм, который, пробившись сквозь тьму, встанет, точно монумент, и потомки смогут разглядеть историческую несправедливость и человеческие страдания, описанные в первой строфе. В последней строфе появляется образ уицраора – хищного демона из параллельного мира, олицетворяющего государство, который становится аллегорией всемирного зла и подчеркивает авторскую мысль о памяти не столько личной, сколько универсальной и исторической.

Память в произведениях жертв политических репрессий хранят не только люди. Сама природа является свидетелем исторических преступлений. Она долговечнее человека, и потому больше знает о боли, несправедливости, смерти, страданиях, подлости. Она неподвластна режиму, ее нельзя уничтожить силами государства. Вечная мерзлота, деревья, камни, снега являются не столько событийным фоном, сколько самобытными героями. Она преодолевает те же испытания, что и человек: деревья сопротивляются смерти от ветра и холода, реки уносят все прожитые невзгоды, а камень хранит воспоминания для потомков, чтобы в нужный момент явить миру страшную истину. И потому одним из интегральных мотивов творчества поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» является голос камня.

В стихотворении Цао Хань-цзюня «Китай, ты стоишь высоко на лесах» [Азиатская медь ... , 2007, с. 154] герой обращается к античным мифам, согласно которым земля держалась на китах, слонах, черепахах и иных животных, и отражает процесс развития общества и научной мысли, которые привели к техническому прогрессу. Люди научились проектировать здания, использовать природные ресурсы. Однако цена подобного развития – многочисленные человеческие жертвы:

Вырастает Китай на худых новостях,
Между строчек читай – на народных костях.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 154]

И каменные плиты хранят тела усопших граждан. Эти трупы служат фундаментом для городских стен. Но, принесенные в жертву во благо процветания государства, они не могут быть упокоены, их голоса прорываются сквозь камень, препятствующий скорому разложению трупа:

Но хрипят голоса из-под каменных плит.
Там, где город стоит – твой народ был зарыт.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 154]

Однако эта участь не просто не пугает героя, но и кажется ему привлекательной, поскольку от-

дать жизнь на благо процветающей стране – счастье для любого гражданина:

И меня ты возьми в свой могучий котел,
<...>

Чтоб держался Китай не на сборных лесах –
На дозорных воспевших его голосах,
Да на наших сердцах, да на наших плечах.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 154]

Камень как хранитель человеческой жертвы встречается и в стихотворениях русских авторов, в частности у М. Фроловского. В стихотворении «Тяжело сдавили своды» [Поэзия узников ГУЛага. Антология] герой описывает ночную тюрьму с тяжелым дыханием замученных и уставших заключенных. Тоска и стон узников безразличны для всех, кроме молчаливого камня. Он терпеливо ждет своего часа, чтобы донести вопли многочисленных жертв истории до Создателя. Очевидно, речь здесь идет о часе Страшного Суда, где праведные загубленные души обретут покой и счастье, а грешники и мучители будут жестоко наказаны. Камень, являющийся свидетелем преступлений против человеческой личности, явит Богу истину и вспомнит о каждой душе, сдавленной тюремным бременем:

Вспомнит камень равнодушный
Каждый вздох и каждый стон.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Таким образом тюремный камень выступает хранителем справедливости, истины, он равнодушен и неподкупен, подобно Фемиде, и потому объективен, тверд, и готов многое выдержать, в том числе и страшную правду о лагере и смерти, сохранить его до нужного часа и предъявить Богу, спасши таким образом невинные души от Божьего гнева.

Камень как хранитель справедливости и Божьей истины представлен и в стихотворении М. Фроловского «Кресты» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где описана скала Голгофа с тремя символами христианской веры. Согласно Новому Завету, это место священо, ибо на нем принял смерть Иисус. И именно к ее подножью низвергнет земля своих мертвецов в нужное время:

Из недр земли, со dna пучины
Немой, испуганной толпой,
Комки проснувшиеся глины,
Мы соберемся под скалой.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

И тогда одни мертвецы вознесутся, подобно Дижману, иные же навсегда исчезнут, как Геста. Потому и испуганы тени, что знают о своей греховности. Но те, кто раскается в своих грехах, будут прощены. А до тех пор неприступная скала будет ждать и хранить покой голгофских крестов.

Наиболее подробно и полно характер камня раскрыт в творчестве Варлама Шаламова. Так же, как и у М. Фроловского, он является немым свидетелем и хранителем колымской «тайны». Наряду с вечной мерзлотой он служит сохранению исторической памяти жертв политических репрессий – хранит их тела и сохраняет в нетленности лица, чтоб можно было узнать, кто именно зарыт в общей яме, без креста и погребальных почестей. Камень не помнит имен, но помнит самих людей и многое может рассказать потомкам о своих мертвецах: о причинах смерти, физическом их истощении, болезнях и т. д.

Камень, впрочем, не бесстрашен. Он покровительствует мертвым, но сопротивляется живым, мстит им за собственную смерть и боль. Люди, вторгаясь в самобытность природы, пытаются подчинить камень, сломать его волю, как, допустим, в стихотворении В. Шаламова «Моими ли руками» [Шаламов, 2019б], где люди сознательно вмешивались в жизнь камня, извлекали из привычной среды обитания, сносили в поля, нанося вред не только ему, но и траве: «Тебя свели с утесов/Навек в поля зеленые» [Шаламов, 2019б]. Они старались истребить его, смешать с такими же, уничтожить его индивидуальность:

Твое забыли имя
Не только по беспечности,
Смешали здесь с другими
И увели от вечности.
[Шаламов, 2019б]

Таким образом люди пытались уничтожить прошлое, историческую память, хотели заставить камень молчать о несправедливости и разрушительности системы. И потому камень ненавидит живых и способствует их гибели, становясь на некоторое время союзником зла. Однако познав смерть и претерпев муки, люди очищаются и тела становятся частью природы, и камень принимает их, сочувствует их страданию.

Камень – это совесть Севера, его справедливость и истина. Об этом сказано в стихотворении «О, Север – век и миг!» [Шаламов, 2019б] Варлама Шаламова. Герой возвращается на колымские просторы, где, вероятно, много лет находился в заключении, и вспоминает не об ужасах смерти и

физического распада, а о красоте мест и его нравственном величии. Белый ад, несмотря на свою враждебность, великолепен безотносительно людей. Природа живет по своим законам, она сурова и к себе, но больше к человеку, ибо он – угроза, инородный элемент, потому она и стремится его запутать, уничтожить. Среди прочего герой упоминает о камне: «И – совести дневник/Твой каменный язык» [Шаламов, 2019б]. И назван он так потому, что хранит память о ежедневно безвинно погибающих людях, и он так же принимал их тела, как принимает бумага наши мысли и чувства, изложенные на страницах дневника.

Природа не только хранит воспоминания о несправедливости и смерти, страхе и боли, подлости и ненависти. Она служит и нравственным примером для человека, является символом физического и морального сопротивления. Это человек может пасть духом, ибо он слаб и беспомощен, но природа из последних сил будет цепляться за жизнь, сопротивляться ветру и холоду, и таким образом дарить надежду тем, кто устал и готов сдаться и навсегда согнуться в вечной мерзлоте, только бы избавиться от страдания.

Мотив сопротивления природы особенно значим как для китайских, так и для русских поэтов. У первых большинство верований связано с обожествлением природного начала земли. Они черпали из нее мудрость, силу. Вторые восхищались ее красотой и гармонией. Для поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» она стала спутником их тяжелой судьбы и встречается в стихотворениях Цзэн Чжо, Нью Ханя, Шу Тин, Анатолия Жигулина, Виктора Василенко, Варлама Шаламова и других.

Одним из символов сопротивления является дерево. В стихотворении Нью Ханя «Дерево в полствола» [Азиатская медь ... , 2007, с. 30] описан гордый пень, который не боится опасностей и невзгод, а мужественно их встречает. Какие бы ни произошли с ним неприятности, он остается прямым и уверенным в себе. За свое непокорство он вызвал гнев неба, которая пустила в него молнию. Ствол раскололся на две части, однако даже это не смогло поколебать уверенность пня и его самолюбие и гордость. Герой услышал от людей, что молния снова ударит в это дерево, ибо оно прямое и высокое, можно даже сказать, высокомерное, и потому небо вновь попытается сломить его волю: «С небес далеких/Молния следит/За непокорным деревом упрямо» [Азиатская медь ... , 2007, с. 30]. Его стойкость и самолюбие должны послужить примером человечеству, поскольку всякий должен стремиться достойно переносить страдания, вы-

павшие на его долю, и не дать обстоятельствам победить себя.

Подобные мотивы есть и в стихотворении Цзэн Чжо «Дерево на обрыве» [Азиатская медь ... , 2007, с. 27]. В центре его – одинокое дерево, стоящее на краю пропасти. Герой не знает, как оно появилось в этом месте и почему оно такое одинокое. Это дерево умеет мечтать и думает о родной роще, от которой, по всей видимости, оторвано ветром. Лишенное возможности находиться с близкими, оно изогнулось от жизненных невзгод, стало послушным ветру, однако не утратило волю к жизни и упрямо стоит на обрыве, цепляясь корнями за почву. Несмотря на свою податливость, дерево мечтает о свободе и готовится взлететь. Оно не боится сорваться в ущелье и разбиться о камни, поскольку уверено в том, что дух его свободен и способен вознестись:

Но дерево вот-вот сбежит в ущелье,
Но дерево вот-вот расправит крылья...
[Азиатская медь ... , 2007, с. 27]

Символом стойкости, любви и веры является дуб в одноименном стихотворении Шу Тин. Он воплощает крайние проявления лучших человеческих качеств. Будучи мощным по природе, дуб не терпит неопределенности и непочтения. И если героиня способна его полюбить, то полностью, раз и навсегда:

Если полюблю, то совсем –
как солнечный полдень,
как дождик, который весну удивит.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 97]

Дерево так велико, что чувства девушки с трудом могут охватить его. Она одна способна понять дуб и говорить с ним. И готова защищать его от любой опасности, несмотря на то, что он большой и могущественный:

Но если злой ветер издалека, –
пусть побоится биенья наших сердец.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 97]

Героиня дополняет его, дуб мощный, ветки его подобны ножам – это олицетворение мужской силы. Она же, напротив, нежна и легка, состоит из цветов. Вместе они органичны, создают единство, на котором основано мироздание – инь и янь. И потому сила их несокрушима, воля неподвластна никаким бурям:

Мы выстоим бури, зимы и грозы,
Мы выпьем на равных горчайшие росы,

ветра мед и радуги семицвет.
Это и есть воплощение великой и вечной любви.
[Азиатская медь ... , 2007, с. 97]

Дуб силен, поскольку крепко связан с почвой, его взрастившей. Родная земля дает ему силы и кормит. Корни дерева настолько глубоко проникли в недра ее, что он практически неуязвим. Любовь к родине столь же велика, сколько любовь к женщине, и потому дуб является символом могущества родной земли, первозданной силы и крепости духа.

У китайских поэтов не только природа сопротивляется жестокой судьбе, но и животные. В стихотворении Ню Ханя «Хуананьский тигр» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31] внимание героя привлекает тигр, заточенный в клетку и вынужденный развлекать толпу обывателей. Гордый тигр не желает подчиняться желаниям жестоких и глупых людей, и поэтому он поворачивается к свистящим зрителям задом и дергает время от времени хвостом. Герой, потрясенный силой воли и мужеством гордого зверя, который сам нанес себе раны, спасаясь от неволи, приходит в смятение и, спеша выбраться из зоопарка, слышит доходящий до небес рык тигра, который не нуждается в человеческой жалости, ибо дух его крепок и свободен:

И будто в забытьи услышал громкий звук –
Сотрясший небо рык тигриный,
Крик вольной, несмирившейся души!
[Азиатская медь ... , 2007, с. 31]

У поэтов ГУЛАГа природа наделяется теми же качествами и свойствами, что и у «туманных поэтов». Деревья сопротивляются ветру и холоду и из последних сил стараются выжить и сохранить душу свою непокорной, показывая человеку пример нравственного и физического сопротивления. Одним из таких примеров являются сосны из стихотворения А. Жигулина «Сосны на скалах» [Поэзия узников ГУЛАГа. Антология]. Эти растения отчаянно спорили с ветром. Они росли не в роще, а на голой скале, и корни их входили глубоко в камень, а не в плодородную почву. Однако это и сделало их гордыми, сильными и неуязвимыми. Деревья договорились с камнем – хранителем истины – и он стал защищать их от ветра, корни прочно укрепились в граните. Все испытания, выпавшие на долю камня, сосны делили вместе с ним и стали еще сильнее. Они бросили вызов ветру, будучи высокими и худыми, однако не сломались и продолжают расти, и камень питает их уверенностью:

Они в гранит росли корнями,
И зной и холод с ним деля.
Суровый, твердый этот камень
Для них –
Родимая земля.
[Поэзия узников ГУЛАГа. Антология]

Отчаянно сопротивляются и осины в аллегорическом стихотворении Варлама Шаламова «Кусты разогнутся с придушливым стоном» [Шаламов, 20196], где описана разная реакция деревьев на бурю в лесу, и чем они ниже, тем менее болезненно переживают жизненные трудности. Легче всего кустам, поскольку они широкие и низкие. Им не приходится наклоняться даже вполтину. Шаламовские клены, тоже сравнительно невысокие, однако они сгибаются низко, склоняются трусливо перед бурей, которая презирает их за малодушие, потому как «клена поклоны уже не нужны» [Шаламов, 20196]. Тяжелее всего приходится осинам. Они высокие и худые, жестокий ветер клонит их в разные стороны. При малейшей буре они теряют устойчивость, но не стойкость, и поэтому герой больше всего сочувствует именно им, поскольку они мужественные, стойкие и жаждут жизни, преодолевая ради нее жестокость и безразличие ветра, поэтому именно осины оказываются двойниками лирического героя:

И видно, ценою каких напряжений,
Каких цирковых, безобразных движений
Держались осины, ворча до конца,
И тяжесть осин тяжелее свинца...
[Шаламов, 20196]

Таким образом, сохранение исторической и культурной памяти о трагических событиях истории – одна из важнейших задач и литературы ГУЛАГа, и китайской «туманной поэзии»: «Донести правду о пережитом, высветить словом гибельный для страны путь, оберечь ее, пусть даже ценой своей жизни» [Виленский, 2005, с. 11]. Память соединяет прошлое и будущее: это и дань памяти людям, которых несправедливо забыли, и летопись для потомков, для будущих поколений. И память, и забвение оказываются в творчестве русских и китайских поэтов категориями амбивалентными: с одной стороны, это боль и тяжесть воспоминаний, память как травмирующий фактор, а забвение – своего рода анестезия, позволяющая вычеркнуть из измученного сознания страшные страницы прошлого, но с другой – атрофия памяти безнравственна, ибо позволяет забыть «всемирное зло» и тем самым дать ему шанс на повторение, а память важна не только сама по себе как

месть несправедливости и режиму, старающемуся уничтожить все живое и самобытное, но и для освобождения от тяжести прошлого через письмо, через самовыгорание, саморазрушение: «В этом ступе горестном и тёмном различаю слово я одно: «Помни», – говорит оно мне... Помню! Рада бы забыть – не суждено...» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Библиографический список

1. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.
2. Виленский С. С. Предисловие // Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / сост. С. С. Виленский. Москва: Материк, 2005. 990 с.
3. Горбачевский А. Ч. Мотив утраченных иллюзий и мотив тишины в текстах бывших колымских заключенных // Мир русского слова. 2015. П. С. 108-114.
4. Демидо Н. Ю. О Некоторых проблемах и тенденциях развития «литературы реформ» // Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. Часть II. 1990 (№ 10). С. 47-49.
5. Ивлев Л. А. Десять абзацев о «литературе шрамов» // San Wen: сайт. URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (дата обращения: 19.12.2019)
6. Лебедева Н. А. Лики времени: китайская литература XX века на переломах истории // Россия и АТР. 1992 (№ 1). С. 102-110.
7. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009 (№ 6). С. 356-374.
8. Надеев И. М. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. Москва: Наука, 1969. 149 с.
9. Поэзия узников ГУЛАГа. Антология // URL: <https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predislovie.htm> (дата обращения: 19.12.2019)
10. Пьералли К. Поэзия ГУЛАГа как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования // Studia Litterarum. 2018. Т. 3 (№ 2). С. 144-162.
11. Реквием: стихи русских советских поэтов / сост., авт. предисл. Б. Романов. Москва: Современник, 1989. 430 с.
12. Рябченко О. Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Ойкумена, 2009 (№ 3). С. 40-51.
13. Таганов Л. Н. Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А. Ю. Морыганов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80-87.
14. Тугулова О. Д. Поэтический дискурс китайского андеграунда улова // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 8. Востоковедение. С. 67-71.
15. Тугулова О. Д. Особенности функционирования «подпольной поэзии» в Китае // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2014 (№ 1). С. 5-13.
16. Тугулова, О. Д. Китайская поэзия «нового периода» (1980-е гг.): смена художественных парадигм: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. 164 с.
17. Черкасский Л. Е. «Туманная поэзия» // Азия и Африка сегодня. 1988 (№ 1). С. 46-47.
18. Шаламов В. О человеке и мире // Shalamov.ru: сайт. URL: <https://shalamov.ru/library/21/76.html> (дата обращения: 19.12.2019а)
19. Шаламов, В. Стихи // Shalamov.ru: сайт. URL: <https://shalamov.ru/library/14/> (дата обращения: 19.12.2019б)
20. Шаламов В. Эссе // Shalamov.ru: сайт. URL: <https://shalamov.ru/library/21/> (дата обращения: 19.12.2019в)
21. 洪子诚、程光炜 Хун Цзычэн, Чэн Гуанвэй. 朦胧诗新编 Новое издание Туманной поэзии. 武汉 Ухань: 长江文艺出版社 Чанцзян вэньи, 2009.
22. 李丽中 Ли Личжун. 朦胧诗. 新生代诗百首点评 Сто стихотворений «туманных поэтов» и «поэтов нового поколения» с комментариями. 天津 Тяньцзинь: 南开大学出版社 Изд-во Нанькайского университета, 1988.
23. 朦胧诗论争集 Сборник критических статей о «туманной поэзии» / 姚家华编 под ред. Яо Цзяхуа. 北京 Пекин: 学苑出版社 Сюэ юань, 1989.
24. 姜娜, 朱小平 Мэй На, Чжу Сяопи. 朦胧的死亡 Смерть туманной поэзии / 姜娜 朱小平著 Мэй На, Чжу Сяопин. 北京: 华艺出版社. Пекин: Китайское искусство, 1994.
25. 倪伟. 朦胧诗的旧魂新魄 Ни Вэй. Старая душа, новая душа «туманной поэзии» // 文景. 2005. 第 3 期.
26. 舒婷的 诗 Поэзия Шу Тин / 舒婷著 под ред. Шу Тин. 北京: 人民文学出版社. Пекин: Народная литература, 2005
27. 中国现代诗选 60 首 Современная китайская поэзия: антология (60 избранных стихотворений) / 张同吾主编 под ред. Чжан Тунъю; 李英男等译 пер. с кит. Ли Иннань и др. 北京: 现代出版社. Пекин: Современность, 2010.
28. 杨健. 墓地与摇篮—文化大革命中的地下文学. 北京: 朝华出版社. 1993 Ян Цзянь. Могила и колыбель: подпольная литература периода Великой культурной революции. Пекин: Чаохуа, 1993.

29. Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press // Studi Slavistici. VIII. 2009. P. 95-117.

30. Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? // F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany : Universitätsverlag Winter, 2016. P. 175-192.

31. Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag // LEA – Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente. V. 2016. P. 267-283.

32. Jurgenson L. Les représentation du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques // Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris : Seuil, 2013. P. 183-196.

33. Pieralli C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS // Pieralli C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze : University Press, Accesso ONLINE all'editore. P. 281-310.

Reference List

1. Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii = Asian Copper: Anthology of Modern Chinese Poetry / sost. Lju Vjen'fjej. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 256 s.

2. Vilenskij S. S. Predislovie = Preface // Pojezija uz-nikov GULAGa. Antologija / sost. S. S. Vilenskij. Moskva : Izd-vo Materik, 2005. 990 s.

3. Gorbacheskij A. Ch. Motiv utrachennyh illuzij i motiv tishiny v tekstah byvshih kolymskih zaklju-chennyh = The Motive of Lost Illusions and the Motive of Silence in the Works by Kolyma Ex-Prisoners // Mir russkogo slova. 2015. II. S. 108-114.

4. O Nekotoryh problemah i tendencijah razvitija «literature reform» = On Some Problems and Tendencies of Development of the Reform Literature // Voprosy jekonomiki, istorii, vneshnej i vnutrennej politiki stran Dal'nego Vostoka. Informacionnyj bjulleten' IDV AN SSSR. Chast' II. 1990 (№ 10). S. 47-49.

5. Ivlev L. A. Desjat' abzacev o «literature shramov» = Ten Paragraphs on the Scar Literature // San Wen : sajt. URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (data obrashhenija: 19.12.2019)

6. Lebedeva N. A. Liki vremeni: kitajskaja literatura XX veka na perelomah istorii = Faces of Time: Chinese Literature of the 20th century at the Turns of History // Rossija i ATR. 1992 (№ 1). S. 102-110.

7. Mihajlik E. Ne otrazhaetsja i ne otrasyvaet teni: «zakrytoe» obshhestvo i lagernaja literatura = Got No Reflection or Shadow: The Locked Community and the Prisoners Literature // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009 (№ 6). S. 356-374.

8. Nadeev I. M. «Kul'turnaja revoljucija» i sud'ba kitajskoj literatury. = Cultural Revolution and the Destiny of Chinese Literature Moskva : Nauka, 1969. 149 c.

9. Pojezija uz-nikov GULAGa. Antologija = Gulag Prisoners' Poetry. Anthology // URL: <https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predisl-ovie.htm> (data obrashhenija: 19.12.2019)

10. P'eralli K. Pojezija GULAGa kak literaturnoe svidetel'stvo: teoreticheskie i jepistemologicheskie obos-novaniya = Gulag Poetry as Literature Evidence: Theoretical and Epistemological Grounds // Studia Litterarum. 2018. T. 3 (№ 2). S. 144-162.

11. Rekviev: stihy russkih sovetskih pojetov = Requiem: Poems by Russian Soviet Poets / sost., avt. predisl. B. Romanov. Moskva : Sovremennik, 1989. 430 s

12. Rjabchenko O. N. Literatura Severo-Vostoka KNR v period reform = Literature of North East China during the Reform // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija. Ojkumena, 2009 (№ 3). S. 40-51.

13. Taganov L. N. Potaennaja literatura: pojezija GULAGa = Secret Literature: the Gulag Poetry // Voprosy ontologicheskij pojetiki. Potaennaja literatura. Issledovanija i materialy / sost. A.Ju. Moryganov. Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 1998. S. 80-87.

14. Tugulova O. D. Pojeticheskij diskurs kitajskogo andegraunda ulova = Poetic Discourse of the Chinese Underground Poetry // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Vyp. 8. Vostokovedenie. S. 67-71.

15. Tugulova O. D. Osobennosti funkcionirovanija «podpol'noj poezii» v Kitae = Underground Poetry in China during the Cultural Revolution // Gumanitarnye issledovanija v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014 (№ 1). S. 5-13.

16. Tugulova, O. D. Kitajskaja pojezija «novogo pe-rioda» (1980-e gg.): smena hudozhestvennyh paradig = Chinese Poetry of the New Period (1980s): Changes of Art Paradigm: monografija. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2015. 164 s.

17. Cherkasskij L. E. «Tumannaja pojezija» = Misty Poetry // Azija i Afrika segodnja. 1988 (№ 1). S. 46-47.

18. Shalamov V. O cheloveke i mire = About the Man and the World // Shalamov.ru : sajt. URL: <https://shalamov.ru/library/21/76.html> (data obrashhenija: 19.12.2019a)

19. Shalamov, V. Stihy = Poems // Shalamov.ru : sajt. URL: <https://shalamov.ru/library/14/> (data obrashhenija: 19.12.2019b)

20. Shalamov V. Jesse = Essays // Shalamov.ru : sajt. URL: <https://shalamov.ru/library/21/> (data obrashhenija: 19.12.2019v)

21. 洪子诚、程光炜 Hun Czychjen, Chjen Guanvjej. 朦胧诗新编 Novoe izdanie Tumannoj poezii. = New Edition of Misty Poetry. 武汉 Uhan' : 长江文艺出版社 Chanczjan vjen'i, 2009.

22. 李丽中 Li Lichzhun. 朦胧诗. 新生代诗百首点评

Sto stihotvorenij «tumannyh pojetov» i «pojetov novogo pokolenija» s kommentarijami. = A Hundred Poems by Misty Poets and the New Generation Poets with comments. 天津 Tjan'czin' : 南开大学出版社 Izd-vo Nan'kajskogo universiteta, 1988.

23. 朦胧诗论争集 Sbornik kriticheskikh statej o «tumannoju poezii» = Corpus of Critical Essays on Misty Poetry / 姚家华编 pod red. Jao Czjahu. 北京 Pekin : 学苑出版社 Sjuje juan', 1989.

24. 姜娜, 朱小平 Mjej Na, Chzhu Sjaopi . 朦胧的死亡 Smert' tumannoju poezii = Death of Misty Poetry / 姜娜 朱小平著 Mjej Na, Chzhu Sjaopin. 北京 : 华艺出版社. Pekin : Kitajskoe iskusstvo, 1994.

25. 倪伟. 朦胧诗的旧魂新魄 Ni Vjej. The Old Soul, the New Soul of Misty Poetry = Staraja dusha, novaja dusha «tumannoju poezii» // 文景. 2005. 第 3 期.

26. 舒婷的诗 Pojezija Shu Tin = Shu Ting Poetry / 舒婷著 pod red. Shu Tin. 北京 : 人民文学出版社. Pekin : Narodnaja literatura, 2005

27. 中国现代诗选 60 首 Sovremennaja kitajskaja poezija: antologija (60 izbrannyh stihotvorenij) = Modern Chinese Poetry: Anthology (60 selected poems) / 张同吾主编 pod red. Chzhan Tun#u; 李英男等译 per. s kit. Li Innan' i dr. 北京 : 现代出版社. Pekin : Sovremenost', 2010.

28. 杨健.

墓地与摇篮—文化大革命中的地下文学.

北京 : 朝华出版社. 1993 Jan Czjan'. Mogila i kolybel': podpol'naja literatura perioda Velikoj kul'turnoj revoljucii. = Grave and Cradle: Underground Literature during the Great Cultural Revolution. Pekin : Chaohua, 1993.

29. Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press // Studi Slavistici. VIII. 2009. P. 95-117.

30. Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? // F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany : Universitätsverlag Winter, 2016. P. 175-192.

31. Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag // LEA – Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente. V. 2016. P. 267-283.

32. Jurgenson L. Les représentations du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques // Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris : Seuil, 2013. P. 183-196.

33. Pieralli C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS // Pieralli C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze : University Press, Accesso ONLINE all'editore. P. 281-310.